

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

О СУЩНОСТИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОГО ИДЕАЛИЗМА: АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА И ВЗГЛЯДЫ

Н.И. МАТУЗОВА

© 2015 г. Николай Михайлович Добрынин¹

Аннотация: рассматриваются феноменологические характеристики правового нигилизма и правового идеализма как явлений, формально образующих бинарную оппозицию, но при этом весьма близких по своим социальным последствиям. Автор обращает внимание на тот факт, что правовой идеализм и правовой нигилизм являются в настоящее время серьезным препятствием всем проводимым в стране реформ и, что важно, политико-правовой модернизации, и, как следствие, могут привести к всплеску противоправных деяний, юридическому хаосу и в целом отрицательному развитию правовой системы. Построение правового государства требует решительной борьбы с правовым нигилизмом, правовым идеализмом и условиями их возникновения. В работе анализируются различные точки зрения и подходы, связанные с определением сущности правового идеализма и правового нигилизма, в частности особое внимание уделено вопросам антропологии права, а также воззрениям проф. Н.И. Матузова, ряд заметных работ которого посвящены изучению социальных оснований и сущности явлений правового нигилизма и правового идеализма. Автор делает вывод, что состояние всеобщего правового нигилизма, как и правового идеализма, имеет в России глубокие исторические корни и в определенном смысле подпитывается так называемым национальным духом. Отсюда все сложности в их искоренении. Несмотря на то что снижение уровня правового нигилизма и правового идеализма в России – весьма трудновыполнимая задача, автор глубоко убежден, что решение ее возможно и крайне необходимо на современном этапе.

Annotation: the research contains the analysis of the phenomenological traits of nihilism and idealism in Law which appear to be in a logic opposition but in fact both are quite close to each other in the context of their social outcomes. Author highlights the fact that nihilism and idealism in Law are serious obstacles to perform all the modern reforms in this country and further legal development, tending the results of an extreme escalation of maleficence and deviations as well as legal inversion and degradation of legal system as a whole. Developing the State of Rule of Law the uncompromising counteraction to nihilism and idealism in Law is needed as well as to the factors of their existence. The research provides for the analysis of different views and approaches which are relevant to the issues of nihilism and idealism in Law, especially those of legal anthropology, and particularly the views of Professor N.I. Matuzov who is the author of several significant works concerning the social basics and substance of nihilism and idealism in Law. Author makes the conclusion that the reality as of the general nihilism in Law as of the idealism in Law has deep historical roots in Russia and in a certain meaning is being supported by the national mentality. It is the main reason explaining all the obstacles raising up in the course of elimination of nihilism and idealism in Law. Author expresses the strong beliefs that the downgrading of the level of nihilism and idealism in Law is possible and extremely necessary in Russia today, nonetheless this task is too hard in this country.

Ключевые слова: правовой идеализм, правовой нигилизм, законотворчество, правосознание, политико-правовая культура, менталитет, властные полномочия, гражданское общество, социальные ценности.

Key words: idealism in Law, nihilism in Law, lawmaking, legal consciousness, political and legal culture, mentality, powers of authority, civil society, societal values.

Пролог

Россия согласно ч. 1 ст. 1 Конституции – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Однако укоренившиеся в российском обществе и пустившие “метастазы” правовой нигилизм и правовой идеализм несовместимы с указанными

характеристиками, поскольку напрочь отрицают правовую идею закона и правового государства, сочетающие в себе последовательный демократизм, суверенитет народа как источника власти, подчинение государства обществу.

К глубокому сожалению, различные формы правового идеализма и правового нигилизма стали для современной России, как уже подчеркнуто нами, привычными явлениями, довольно естественным образом проникшими в массовое сознание. В результате общество сталкивается с двумя крайностями правовой культуры:

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

тотальной недооценкой права и, напротив, его переоценкой. Как справедливо указывает проф. Н.И. Матузов, “оба эти явления, казалось бы, разноректорные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья”². Именно с этим связаны, на первый взгляд, неразрешимые трудности, переживаемые нашим обществом в современный период. Стремление не только “высоких” чиновников, депутатов всех уровней, но и “простых” граждан произвольно переименовать сложившуюся юридическую систему и манипулирование правом приводят, к сожалению, к крупным и неприятным последствиям в экономике и, как следствие, в социальной сфере, прямо отражаются на уровне жизни и “самочувствии” граждан. Подобная практика стала опасной хронической болезнью, поразившей все звенья и структуры государства, весь его организм и является привычным образом жизни россиян, его негативной стороной.

Мы уверены, что проблема определения сущности правового идеализма и правового нигилизма, его факторов и путей преодоления, как никогда прежде, весьма актуальна.

Правовой нигилизм – ипостась бытия? Отрицание отрицанием и безысходность? Кто виноват и кому делать?

Полагаем, что обстоятельное рассмотрение обозначенных явлений следует начать с характеристики правового нигилизма: о нём чаще всего говорят и пишут, он более знаком обывателю и, как нам известно, действительно чаще встречается в повседневной и обыденной жизни.

Чтобы установить сущность правового нигилизма, сначала необходимо определиться непосредственно с интерпретацией родового понятия “нигилизм”. Принято считать, что термин “нигилизм” происходит от лат. *nihil* – “ничто”, “ничего”, “непризнание чего-либо”.

Одним из первых, кто наиболее полно отразил содержательные характеристики нигилизма, был Ф. Ницше, который по праву является родоначальником философской теории нигилизма: «Что означает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность... нет цели, нет ответа на вопрос “зачем?”»³.

Некоторые исследователи под нигилизмом понимают одну из форм мироощущения и социального поведения, разновидность фрондерства и бунтарства.

В современном представлении нигилизм – это “полное отрицание всего, полный скептицизм”⁴. Посему нигилизм означает крайне отрицательное отношение субъекта (группы, класса) к любым общепринятым социально необходимым ценностям, нормам, взглядам, идеям, отдельным, а подчас и всем устоям человеческого бытия. Решительно отрицая ценности, нигилизм не выдвигает какой-либо позитивной программы, но, наоборот, усугубляет до неприемлемых пределов ее абстрактность, зыбкость, аморфность: И.П. Золотусский в этой связи отмечает, что у “нигилиста всегда виноват кто-то, но не он”⁵. Девиз нигилистов – всё вокруг не так устроено, требует замены. Согласно общепринятой в науке точке зрения нигилизм воспринимается как деструктивное явление действительности.

Нигилизм как мировоззренческое течение зародился давно, но наибольшее распространение получил в XIX–XX столетиях, главным образом в Западной Европе и в России. “Но, увы, именно в России нигилизм дал самые обильные всходы”⁶ и имеет в нашей стране глубочайшие исторические корни. Не случайно уже издревна бытовало мнение: на Руси всегда правят люди, но не законы. Как следствие, безразличное и неуважительное отношение к закону “как свойство природы, ментальности русского обывателя”⁷.

Развернутая характеристика философии нигилизма, распространившейся в начале XX столетия в определенных слоях русского общества, была дана в знаменитом сборнике “Вехи”, получившем широкий общественный резонанс. Один из его авторов – С.Л. Франк называл умонастроение интеллигенции морализмом: “Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые... Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма... Под

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е, доп. М., 1995. С. 408.

⁵ Золотусский И.П. Нигилисты второй свежести. Иркутск, 2008. С. 6.

⁶ Сапронов П.А. Путь в ничто. Очерки русского нигилизма. СПб., 2010. С. 5.

⁷ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080.

² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Теория права. Академ. курс. В 2-х т. Т. 2 / В.В. Борисов, Н.В. Витрук, Н.Л. Гранат, Ю.И. Гревцов и др. / М., 1998. С. 400 и след.

³ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей // http://www.nietzsche.ru/books12_1.shtml

нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей”⁸.

Таким образом, *общей родовой чертой всех форм нигилизма является отрицание*. Правовой нигилизм в этом феноменологическом отношении не является исключением, а лишь имеет своим объектом систему правовых ценностей, сформировавшихся в обществе.

Н.И. Матузов обратил особое внимание на то, что при анализе нигилизма следует иметь в виду следующее: “...Не всякое отрицание чего-либо в обществе есть нигилизм. Нигилистическое и диалектическое отрицание – разные вещи”⁹. Последнее шире первого (нигилистического); оно органически присуще человеческому сознанию, диалектическому мышлению; нельзя назвать нигилистами всех, кто что-либо отрицает. Когда нигилизм становится объективным отрицанием старого, заскорузлого, реакционного (например, рабства, крепостничества, всех форм деспотизма и т.д.), он перестает быть нигилизмом. Подобного рода отрицание справедливо и оправданно, поскольку представляет собой неизбежный процесс обновления. В таком случае, полагаем, разумное отрицание имеет ключевое значение в достижении более высоких целей, идеалов, лучших условий жизни, в устранении диктаторских режимов, тирании.

В подтверждение нашего умозаключения следует привести пример из отечественной истории. В XIX в. нигилизм укоренился в среде русской разночинной интеллигенции, отвергавшей феодально-крепостнические традиции, он носил революционный характер. Нигилистами были революционеры-демократы, резко критиковавшие современные им порядки, отвергавшие крепостнический и буржуазный строй, идеологию эксплуататорских классов, ставшие пламенными защитниками интересов угнетенного крестьянства и борцами за новую, свободную жизнь трудящегося народа. Они имели положительный идеал, который последовательно проводили в борьбе с царизмом. Реакционеры же превращали их в “нигилистов”, людей без “догматов”, в аморальных отщепенцев, что являлось политической клеветой на честное и героическое молодое поколение. Известно, что не всякая революция – зло, тем более когда речь идет о свержении тирании.

Для России нигилизм – устойчивая всеобщая многовековая традиция, которая в период “развитого социализма” в государстве укрепилась; роль права в обществе всячески умалялась; в нем не видели истинно демократического и краеугольного института, высокой социальной и моральной ценности; предпочтение отдавалось экономике, политике, идеологии, партийной линии, но не праву; идеи права зачастую третировались, отрицались; право скорее терпели как формальный атрибут, свойственный любому “благопристойному обществу”; право считалось “неполноценной и даже ущербной формой социальной регуляции, лишь на время и лишь в силу печальной необходимости заимствованной”¹⁰ у прежних эксплуататорских эпох.

На практике воплощалась ленинская идея, согласно которой в основе социалистического государства лежит диктатура пролетариата, представляющая собой “ничем не ограниченную, никакими правилами не стесненную, опирающуюся непосредственно на силу, а не на закон власть”¹¹, т.е. на право сильного.

Для нигилизма характерно гипертрофированное и явно выраженное сомнение в известных ценностях и принципах. При этом зачастую для его демонстрации избираются наихудшие способы действия, граничащие с антиобщественным поведением, нарушением моральных, правовых норм, ломкой исторических традиций и обычаев.

В советский период правовой нигилизм повсеместно присутствовал в реальной жизни, причем нередко в самых грубых формах: массовые репрессии, беззаконие, борьба с “врагами народа” и др.

Похожее прослеживалось и в разгар так называемой “перестройки”: раздавались призывы к всеобщему покаянию; ключевые идеологемы “перестройки” нередко основывались на нигилизме, провозглашая иллюзорный принцип: “У нас всё плохо, у них, на Западе, всё хорошо”. Именно в тот период на волне охватившего страну всеобщего негативизма нигилизм стал стремительно набирать обороты – всё и вся переоценивалось, переосмысливалось, осуждалось, отвергалось, с пьедестала летели имена и ценности, в которые еще вчера беззаветно верили...

Нигилизм сопровождался такими явлениями, как безудержное самобичевание, развенчание и

⁸ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 152–156.

⁹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны “одной медали” // Правоведение. 1994. № 2. С. 4.

¹⁰ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 164.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 376.

осмеяние всего прежнего опыта, уничижительная критика сложившихся культурно-исторических, духовно-нравственных традиций, жизненного уклада и привычек, авральная приватизация и всеобщее разгосударствление, заикленность на обличительстве, утрата чувства национального достоинства, моральных и человеческих ценностей, культивирование безнравственности, формирование у общества комплекса неполноценности, синдрома вины якобы “за исторический грех”. На глазах рушился многовековой, традиционный культурно-цивилизационный код русского народа, подрывались основы православия, формировался культ насилия, жажды наживы, индивидуализм, уход от семейных ценностей.

Нигилизм многолик: в зависимости от содержания отрицаемых ценностей различают нигилизм нравственный, политический, религиозный, правовой и др. Более частым и конкретным проявлением нигилизма как социокультурного феномена является правовой нигилизм.

Правовой нигилизм – разновидность социального нигилизма как родового понятия¹². Под правовым нигилизмом следует понимать релятивизацию аксиологических установок сознания в правовой сфере по отношению к праву.

Это – наиболее опасный и широко распространенный в современном правовом пространстве феномен.

Н.И. Матузов, излагая мнение по актуальным вопросам правового нигилизма, подчеркивает, что сущность правового нигилизма заключается “в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения”¹³. Ключевыми характеристиками выступают: надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права; неверие в высокое предназначение, возможности и даже необходимость права; безразличное отношение к праву. В конечном счете речь идет о невостребованности права в целом и как такового.

Причины зарождения подобного “недуга” многие исследователи объясняют нашей исторически сложившейся традицией, опирающейся не на за-

кон, а на право сильного, в частности традицией многовекового самодержавно-крепостнического правления в Российской империи¹⁴, “врожденным” правовым нигилизмом в правосознании русского народа¹⁵, укорененностью нигилистического отношения к праву в специфике правового менталитета россиян как одной из характеристик отечественной культурной традиции¹⁶, исторически сложившимися духовно-нравственными элементами мировоззрения, передаваемыми из поколения в поколение, что позволяет нам рассматривать его как категорию культуры с определяющим признаком традиционности¹⁷, и т.д.

В своих письмах историк В.О. Ключевский с горечью признавался: “Не виноват я в том, что мало обращаю внимание на право: меня приучила к этому русская жизнь, не знавшая никакого права”¹⁸.

А.И. Герцен отмечал в свое время: “Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство”¹⁹.

Нельзя не вспомнить и не менее популярный вывод М.Е. Салтыкова-Щедрина о том, что суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

К нашему великому сожалению, таковы отечественные правовые традиции, культура, привычки, образ жизни. Мы не только не избавились от этого порока, но и в полной мере унаследовали их, а во многом и обогатили.

М.О. Хазамов, один из современных российских исследователей, например, отмечает, что государство в лице управленческих элит нигилистически пренебрегает интересами и правами личностей и групп, а эти личности и группы, в свою очередь, уже научились и привыкли ниги-

¹² См.: Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2082.

¹³ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 590.

¹⁴ См.: Утенков Г.Н. Политико-правовые проблемы нигилизма в деятельности органов власти. Дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005 // <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/220923.html>

¹⁵ См.: Гулина О.Р. Феномен нигилизма в правосознании русского народа // <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/gul/>

¹⁶ Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства (Перспективы становления в современной России). Дисс. ... доктора соц. наук. Ростов-н/Д., 2003.

¹⁷ См.: Громыко В.А. Социокультурный феномен правового нигилизма в России. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2005.

¹⁸ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 378.

¹⁹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. М., 1956. С. 251.

листически игнорировать правовые требования государства²⁰.

Основной причиной правового нигилизма является, на наш взгляд, понимание людей о том, что законы повсеместно не исполняются и всячески нарушаются. К тому же, когда человек узнает о противоправном действии или бездействии, за которым не последовало справедливого наказания, его вера в силу закона падает до такого уровня, что он вообще не учитывает закона в своих действиях, тем самым перешагивая допустимый предел и скатываясь в крайность правового нигилизма.

Аналогичного мнения придерживается и Л.М. Белкин, который указывает, что правовой нигилизм *“органически присущ субъектам властных полномочий, он происходит от органов государственной власти и объективно порождается бюрократической сущностью административного аппарата, поскольку именно отрицание права – способ его существования”*²¹. Так ли это – вопрошаем мы? Практика во многом неумолимо подтверждает сей вывод – да!

Подобный правовой нигилизм имеет своим источником противоправные решения, действия или бездействие властей и порождается бюрократическими принципами их деятельности.

Таким образом, правовой нигилизм в обществе является производным аппаратного правового нигилизма и порожден необходимостью приспособления общества к постоянному нарушению законов властью. По этому поводу на заре российских реформ 1990-х годов Е.Т. Гайдар писал: “Не забудем, что чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен. Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно. Так что бюрократический аппарат несет в себе куда больший заряд мафиозности, чем бизнес. А каркас бюрократической системы легко может стать каркасом системы мафиозной, весь вопрос только в целях деятельности”²². Для автора Е.Т. Гайдар никогда не являлся авторитетом, но в данном случае – попадание в самую точку!

Законодатели, как представляется, видя, сколь незначительно влияние их актов на ситуацию

в обществе, пытаются включиться в непосредственное управление страной, расширяя тем самым свою компетенцию. Исполнительные органы власти, наоборот, осуществляют экспансию в область законотворчества, создавая подзаконные нормативно-правовые акты под сиюминутные нужды управления, причем нередко с нарушением законов.

Н.И. Матузов дает весьма исчерпывающую характеристику современного подзаконного нормотворчества, которая нами всецело поддерживается: “Нередко подзаконные акты становятся “надзаконными”. С помощью последних при желании достигаются цели, прямо противоположные тем, которые закладывались в букву и дух закона. Принимаемые в большом количестве правовые нормы не стыкуются, плохо синхронизированы. В результате возникают острейшие коллизии, особенно между общефедеральным и региональным законодательством”²³.

Мы разделяем позицию Е.Г. Ясина, который в связи с указанным выше также отмечал: “Закон и административная система несовместимы. Нет, законы, конечно, принимаются и иногда применяются. Но действенность их, если присмотреться, крайне слаба... Почему? Секрет прост: в административной системе над всеми нормами стоит право начальника командовать подчиненными. Любое общее правовое регулирование его ущемляет. Поэтому бюрократия сопротивляется такому регулированию, а когда законы все же принимаются, делает все, чтобы обеспечить их безвредность для себя. Лучший способ – лишить закон прямого действия, сделать необходимым его дополнение подзаконными актами – постановлениями, распоряжениями, инструкциями”²⁴ (Курс. наш. – Н.Д.).

Наш вывод таков: в рождении правового нигилизма существенную роль играет пресловутый соблазн подмены субъектами властных полномочий целей и интересов государства и общества собственными корпоративными целями и интересами бюрократического аппарата и/или его отдельных представителей. Отсюда корнями произрастает стремление избежать надлежащего правового регулирования, лоббирование законов,

²⁰ См.: Хазамов М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России. Дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006 // <http://www.lib.ua-ru/net/diss/cont/218007.html>

²¹ Белкин Л.М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 19.

²² Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. М., 2010. С. 243.

²³ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм/ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2013. С. 266.

²⁴ Ясин Е.Г. Трактат об административной системе // Не смей командовать! От административно-командных к экономическим методам управления. Сб. / Под ред. Н.Я. Петракова. М., 1990. С. 91.

удобных под себя, подмена законов подзаконными правовыми актами, лишаящими закон прямого действия. *“Мы наблюдаем сегодня правовой цинизм властных структур и правовой нигилизм подвластных”*²⁵ (Курс. наш. – Н.Д.).

Таким образом, правовой нигилизм исходит не только от общества, но и от властных структур, т.е. как снизу, так и сверху. *Правовой нигилизм общества является производным от правового нигилизма власти.*

Мы не сомневаемся, убеждены, что бюрократический, чиновничий нигилизм, основанный на всевластии государственной элиты, является более разрушительным и ведет к далеко идущим, зачастую негативным последствиям. Не учитывая этого фактора, вступать в противоборство с правовым нигилизмом народа бессмысленно, ибо преодолеть его будет практически невозможно.

Полагаем, далее следует обратить особое внимание на источники и причины правового нигилизма. *Источники*, как правило, носят глубинный, постоянный и трудноустраняемый характер, например социальные условия, бедность, низкий уровень правосознания и правовой культуры населения и др. *Причины* же более скоротечны, имея в виду их существование во времени и разном образе. Они могут проявляться и исчезать или устраняться в том числе и сами по себе. При этом определенные обстоятельства могут одновременно выступать и как источник, и как причина, и как форма выражения правового нигилизма.

На наш взгляд, явной и предсказуемой формой проявления правового нигилизма является, к сожалению, низкая правовая защищенность личности, которая подрывает веру в закон, в способность государства обеспечить порядок и спокойствие в обществе, оградить людей от криминального разгула, социального неравенства перед законом и судом, социальной несправедливости.

Нам всем следует признать – долговременное, затяжное и постоянное бессилие права вызывает лишь всеобщее и устойчивое раздражение.

Право, как ни парадоксально, зачастую само продуцирует нигилизм. Человек перестает уважать право, поскольку не видит в нем своего надежного гаранта и защитника. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатывается правовой нигилизм, недоверие к действующим институтам, правовой скепсис.

Кроме того, особо характерным признаком нигилизма является степень отрицания, т.е. интенсивность, категоричность и бескомпромиссность этого отрицания – с преимущественным преобладанием субъективного начала. Считаем верным суждение П.А. Сапронова о том, что нигилизм *“предполагает некоторую тотальность отрицания, доведенную до предельной полноты”*²⁶.

Нигилизм заставляет многих из нас усомниться в известных ценностях, принципах и идеалах. При этом, как правило, ответными мерами избираются наихудшие способы действия, граничащие с антиобщественным поведением, нарушением правовых норм и норм морали.

Важно также выделить и систематизировать некоторые общие, наиболее характерные черты современного правового нигилизма, описанные Н.И. Матузовым²⁷, который к числу таковых относит:

во-первых, подчеркнуто демонстративный, воинствующий, цинично-агрессивный и неконтролируемый характер правового нигилизма;

во-вторых, массовость, тотальность, широкая распространенность не только среди граждан, социальных групп, но и в официальных структурах публичной власти;

в-третьих, многообразие форм проявления – от криминальных до легальных, от парламентско-конституционных до митингово-анархических и охлократических, от “верхушечных” до бытовых; для многих он стал образом жизни, привычной повседневностью;

в-четвертых, особая степень вредности, разрушительности; оппозиционная и конфронтационная направленность, нередко принимающая форму “вызова”, “обструкции”, “подстрекательства”; в моде не позитив, а негатив; в социальной среде распространяются различного рода фобии, вражда, нетерпимость, проявления экстремизма;

в-пятых, слияние с государственным, политическим, культурным, нравственным, духовным, национальным, интеллектуальным нигилизмом, образующими единый деструктивный процесс, ведущий в конечном счете к дестабилизации в обществе;

в-шестых, связь с негативизмом – более широким мировоззренческим течением, захлестнувшим сначала советское (в конце 1980-х годов),

²⁵ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2086.

²⁶ Сапронов П.А. Указ. соч. С. 5.

²⁷ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2086, 2087.

а затем российское общество в ходе демонтажа старой и создания новой общественно-политической системы, смены образа жизни, социальных и нравственных ориентиров; доминирование разрушительных тенденций над созидательными;

***в-седьмых,** огульная критика и отрицание всего и вся по радикальному принципу “чем хуже, тем лучше”, исходящая от определенных сил и групп, вовлеченных в острую политическую борьбу с властью и конфликтующих с ней; преобладание лозунгов не “за”, а “против”; умником считается тот, кто больше всех отрицает и порицает.*

*Наш резюмирующий вывод: **правовой нигилизм—психологически реальное отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов; феномен, выступающий в качестве элемента общественного сознания, образа жизни, ментальности, способ, линия поведения индивида либо коллектива.***

Сегодня главная причина неуважительно-го отношения к закону – системный кризис общества. Дефицит политических прав, а во многом и их отсутствие, укоренившееся неверие в реальную значимость закона и затянувшееся “бессилие” права, “скоростное” правотворчество, системная коррупция, низкая и неадекватная правореализация, бюрократия, криминогенная действительность, внешняя и внутренняя политическая напряженность, всёвозрастающий пауперизм, системные экономические неурядицы, сложившееся неравенство перед законом и судом, социальная несправедливость, традиционное разгильдяйство, отсутствие должного отношения к порядку и дисциплине на всех уровнях, некомпетентность и неэффективность политиков и чиновников от власти, утрата к ним (во многом) доверия и многое другое – не только не способствуют преодолению правового нигилизма, но и, наоборот, постоянно воспроизводят, преумножают его и продолжают губительное разрушение культурно-цивилизированного кода нации.

Особо подчеркиваем, что именно сейчас Россия, как никогда, пожалуй, нуждается не только в устойчивой социально-экономической и политической стабильности, но и в стабильности правовой сферы. Более того, правовая стабильность, последовательное соблюдение порядка и законности будет, на наш взгляд, способствовать упрочнению положения дел во всех других областях, ибо правовая дисциплина лежит в основе

общегосударственного порядка. Многим известна истина: законы работают лишь в условиях и при соблюдении порядка.

Конституция России, принятая 12 декабря 1993 г. через всенародное голосование, как раз и призвана была нормализовать обстановку, вызванную пресловутой “перестройкой” и последовавшими за ней событиями распада советского государства, обеспечить эффективную деятельность всех государственных и политических институтов. Текст Конституции предложили юристы, исходившие, как им, вероятно, казалось, из критерия истины, лежащего в основании социального реализма. Для власти же гораздо важнее считалась не действительность, а будущее, т.е. то идеальное состояние общества, которое политическое руководство представляло для нашей страны. Конституция за эти годы постепенно стала своего рода визитной карточкой, выполняющей пропагандистские функции по формированию иллюзии будущего “града Солнца”, но при таком контексте дистанцированной от сложной и системно меняющейся действительности. Однако правовой идеализм является оборотной стороной нигилизма: от отрицания правовой действительности только один шаг до отрицания юридической нормы.

Следует также признать по прошествии лет, что Конституция, разработанная в спешке и принятая на референдуме с многочисленными нарушениями, имеет явно проблемную легитимность в глазах населения и крайне ограниченную социальную базу (поддержана, по сути, лишь одной третью избирателей; 14 субъектов Федерации за нее вообще не голосовали, 17 проголосовали против), что по-прежнему затрудняет достижение на ее основе гражданского доверия и согласия. Указанное обстоятельство в значительной степени снижает этический авторитет и реальную силу Конституции страны и являет собой еще один источник эскалации правового нигилизма, ибо подобное мнение об Основном Законе государства не позволяет личности сформировать четкую, целостную и активную позицию в отношении правовой реальности в целом.

Полагаем, таким образом, что существует и конституционный нигилизм, который выражается в отчуждении граждан от Основного Закона государства, а равно и от других основополагающих актов, регулирующих общественные отношения, во внутреннем неприятии их в качестве по-настоящему легитимных.

Нами разделяется позиция В.А. Туманова, что “как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь

правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дали о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия царившее в нем пренебрежительное отношение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном”²⁸.

При этом мы должны понимать, что невозможно только с помощью одних правовых средств победить бедность, коррупцию, алкоголизм, наркоманию и повсеместное воровство. Ш. Монтескьё еще в XVIII в. писал: “Когда я отправляюсь в какую-либо страну, я интересуюсь не тем, хороши ли там законы, а тем, как они осуществляются, ибо хорошие законы встречаются везде”²⁹.

Давайте согласимся, что правовые регуляторы (законы) должны применяться в совокупности с другими мерами – экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными, организационными. Только в подобном единении они могут дать прогнозируемый и реальный, осязаемый результат и не остаться лишь формальным атрибутом государства и власти.

Кроме того, в России правовой нигилизм процветает и на уровне правореализации, “а в этом случае самые мудрые и совершенные законы лишаются смысла”³⁰.

Еще больший правовой нигилизм порождают законы, которые невозможно исполнить. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их претворения в жизнь, в других – из-за того, что вокруг простирается абнормальная среда их функционирования: процветает нравственный, политический и правовой нигилизм, общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, законы бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло.

Право, к сожалению, уже не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями и явно сдает позиции, установленные Конституцией и основными законами, определяющими общественные отношения.

Между тем, как верно писал И.А. Ильин, “честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного реше-

ния. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке”³¹. Именно поэтому, считаем, следует различать законопослушание и законоуважение. Вне сомнения, *законопослушание* основано в основном на страхе, принуждении, в то время как *законоуважение* – на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву, что является собой образ добровольной позиции индивида, соблюдение им закона “не за страх, а за совесть”³².

На личностном уровне, по мнению Н.И. Матузова, что нами поддерживается, *правовой нигилизм выступает в двух ипостасях: первая* – как состояние умов, чувств, настроений и *вторая* – как образ действий, линия поведения”³³. Именно *действия* – непосредственный индикатор вредности и опасности явления; *поступки* – плоды помыслов, поэтому не иначе как по поступкам, действиям можно судить о наличии и тех или иных последствиях правового нигилизма.

Мы убеждены, что прежде всего во многом негативное отношение россиян к правовым установкам власти является исторически обусловленным. В государстве правовой нигилизм формировался одновременно и параллельно с политико-правовой системой на протяжении веков – как реакция на несправедливость социально-политического устройства, а потому он, видимо, вполне может считаться одной из национальных особенностей граждан России. Но, несмотря на указанное обстоятельство, необходимо учитывать, кроме того, и то, что правовой нигилизм стал неотъемлемой частью национального характера во многом как следствие нашего перманентного “*искания правды*”, которое все-таки является преобладающим в российском народном сознании.

Правовой идеализм – дуализм бытия? Фантазии об обществе всеобщего благоденствия? Примирение и согласие – кого с кем?

Ретроспективный взгляд автора на историю и действительность показывает, что помимо различных форм правового нигилизма Россия всегда демонстрировала удивительные примеры правового идеализма, притом реализованные на практике.

Следует заметить, что термин “*правовой идеализм*” – условное понятие; оно, как правило, употребляется в смысловой связке со словами “*идеализация*”, “*идеалист*”, “*идеальный*”.

²⁸ Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Гос. и право. 1993. № 8. С. 52.

²⁹ Монтескьё Ш. О духе законов. СПб., 1900. С. 274.

³⁰ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2086.

³¹ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

³² Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

³³ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2085.

Под термином “идеализм” обычно подразумеваются отрыв от действительности, наивность, иллюзии, романтизм, мечтание о прекрасном, но нереальном, “пустые фантазии”.

Идеализм, как и нигилизм, проявляется во всех сферах общественных отношений в государстве; не исключение и правовая сфера, что и дает нам основание называть идеализм правовым и который явно существует в виде определенной анти-тезы правовому нигилизму. В случае с правовым идеализмом на право возлагаются неоправданно завышенные и несбыточные надежды и ожидания. Оно становится неким фетишем, его безусловно признают и ему слепо поклоняются.

Правовой идеализм, как представляется, заключается в незнании природы и сущности права, вследствие чего преувеличиваются его регулятивные возможности и всеисилие в жизни общества.

Правовой идеализм является прямой противоположностью *правового нигилизма*, однако эти две категории имеют сходные по содержанию последствия негативного характера. Внешне идеализм менее заметен, но причиняет ничуть не меньший вред государству и обществу, чем правовой нигилизм.

Правовой идеализм крайне деструктивен по своим последствиям, которые обнаруживаются не сразу, а как правило, “потом”, когда его негативные последствия становятся очевидными и проявляются “во всей красе”.

Правовой идеализм неизбежно приводит к волюнтаризму, когда человеческой воле приписывается основная роль в развитии правовой системы, но при этом не учитываются объективные закономерности общественного развития, традиции, менталитет. Поэтому, полагаем, “*борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другие крайности – правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм; наивно требовать от права большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института*”³⁴ (Курс. наш. – Н.Д.).

Именно проф. Н.И. Матузов ввел в научный обиход категорию “*правовой идеализм*” в российской юриспруденции. В статье “*Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали*” ученый характеризует правовой идеализм как явление, противоположенное правовому нигилизму, т.е. как чрезмерную веру в

способность права решать любые проблемы, с которыми гражданское общество сталкивается в процессе своей деятельности.

Что подобное означает на практике, видно из конкретных примеров отечественной истории.

Так, в период широко рекламированной “перестройки” правовой идеализм получил особое развитие и массовое распространение в правовом сознании на уровне государственного аппарата власти (гласность, ускорение, форсированная демократия, искоренение пьянства и т.д.), а затем, в период последующих постсоветских реформ, и в широких народных массах, соперничая с правовым нигилизмом (всеобщее разгосударствление, шоковая терапия, авральная приватизация).

Одним из классических примеров правового идеализма, рожденного в период “перестройки”, служит антиалкогольная кампания, с помощью которой советская власть пыталась мгновенно решить проблему пьянства населения. К сожалению, у многих в то время, да и в нынешнее, сложилось и по-прежнему всё ещё продолжает складываться убеждение, что достаточно принять “мудрые” законы, как все острейшие проблемы общества будут решены. Явное заблуждение!

Еще один убедительный пример волюнтаризма и крайне низкого профессионализма идеологов антинародных, антигосударственных преобразований. В 1990-х годах, непосредственно после распада Советского Союза, у политической элиты зародилась авантюрная идея мгновенно преобразовать Россию из страны развитого социализма в развитое капиталистическое государство. Четкого плана не было и не могло быть, кроме непреодолимого стремления “закопёрщиков”, толкаемых огромным числом американских экономических советников, сделать все, “как у них”, без учета российских традиций и специфики, а заодно и перекроить менталитет народных масс, уже давно приспособленных жить в другой системе координат. Печальной иллюстрацией является отчаянный призыв Е.Т. Гайдара в начале пресловутых реформ: “*Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность*”³⁵ (Курс. наш. – Н.Д.). Вот так, и не иначе! Политическое руководство России в те годы ставило для себя цели, для достижения которых западным странам понадобились столетия. Причем реформаторский зуд распалял “государственных деятелей” той поры для принятия заведомо недостижимых целей, в том числе известной программы “500 дней”, – именно за такой срок планировалось обеспечить переход

³⁴ Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 7.

³⁵ Гайдар Е. Прыжок к рынку // Правда. 1990. 16 апр.

государства от плановой экономики к рыночному хозяйству.

Благородные, казалось бы, идеалы справедливости и равенства, выраженные в лозунгах “перестройки” и последовавших за ней постсоветских реформ (достижение социально-экономического уровня развитых стран, создание условий для достойной жизни граждан, гласность, демократия, правовое государство и т.п.) в те годы, как правило, пытались воплотить с помощью законов и иных нормативных правовых актов. При этом в период правления первого Президента РФ Б.Н. Ельцина на определенном этапе весьма заметную роль выполняло так называемое *указное право*, основанное по сути на единоличной, ничем не связанной воле первого лица в государстве. Шло “скоростное” правотворчество, но чуда не происходило, дела “топтались” на месте и лишь резко ухудшались. “В результате многое попросту не прижилось на отечественной почве”³⁶.

Парадоксально, но находилось немало людей, которые искренне верили в заманчивую идею правового государства, где каждый на деле обладает равными правами и свободами. Подобный феномен возникает с завидной регулярностью, и ему есть наше объяснение – каждый из нас живет в мечтах о “светлом будущем”. Однако следует признать, что мечты и вера в справедливое правовое государство так и остались мечтами на бумаге. Согласимся, что это и был, и есть правовой идеализм в прямом смысле данного понятия. Да и не могли они сбыться в тех условиях и в те намеченные сроки.

На наш взгляд, общество отчетливо осознало, что большинство законов и законоподобных указов оказались “пустым звуком”, а обещанное властями так и не было исполнено. Возникшее в период обновления бурное очарование сменилось весьма горьким разочарованием в отношении всей правовой системы и публичной власти. Обозначились явные признаки правового скепсиса. “Романтическое” право потерпело фиаско – оно оказалось бумажным, а потому вера в него была утрачена или во всяком случае подорвана³⁷.

Идею правового государства пытались “суетливо” воплотить в законах, закрепить юридически, провозгласить в Конституции России. В действительности форсированного перехода общества из одного состояния в другое не получилось, да и не могло в одночасье случиться; ожидания, тревоги

и отчаяния затянулись. “Наступило “социальное похмелье” – горькое и мучительное. Идеалистические, скороспелые прожекты, как правило, сурово мстят за себя. Это тот же нигилизм, только с обратным знаком. Или его оборотная сторона”³⁸.

Советскую систему с маниакальным упорством, достойным иного применения, злонамеренно разрушили до основания и не спросили людей; слепленная наспех на её обломках, по указке из-за океана “новая демократия” освободила якобы общество от тоталитарного режима, но так и не сумела сама по себе обеспечить его поступательного развития и фактически оказалась “бесплодной”, да и крайне вредной для возрождения России.

Правовой идеализм – гипертрофированное отношение к юридическим средствам, переоценка роли права и его возможностей, убежденность, что с помощью законов и иных нормативных правовых актов можно решить все социальные проблемы.

В правовой эйфории многим начинает казаться, что стоит только отменить “плохие” законы и принять “хорошие”, то всё, как по мановению волшебной палочки, изменится в лучшую сторону. Со временем, когда чуда так и не происходит, хотя “хорошие” законы и принимались, человек впадает в еще более глубокую фрустрацию. Он разочаровывается в “хороших”, но не работающих законах. У него появляется скепсис по отношению к существующей правовой системе. Как результат – человек переходит на почву правового нигилизма.

Представители правового идеализма неисправимы и, как всегда, уверены, что принятие “хороших” законов сможет изменить существующее положение дел в лучшую сторону. Однако мы уверены в обратном, и данная их позиция крайне ошибочная. Законы сами по себе не могут накормить, одеть, обуть людей, улучшить их благосостояние. Они могут лишь способствовать либо не способствовать позитивным изменениям в государстве, нечто закреплять, охранять, регулировать, распределять, но не производить.

Согласимся, что уповать только на “скоростное” правотворчество, значит, питать юридические иллюзии³⁹. Право, несмотря на множество регуляторных возможностей, не всесильно, а механизмы правового регулирования требуют соответствующих условий для воплощения и создания подготовленной почвы для их действия. Преобразования, проводимые в стране как в 1990–2000 годы, так и

³⁶ Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 6.

³⁷ См.: там же.

³⁸ Там же. С. 8.

³⁹ Там же. С. 7.

сейчас, нуждались и нуждаются в надежных правовых средствах. Они, конечно же, должны подкрепляться совокупностью и других мер – экономических, политических, культурных, организационных и иных.

Нами наблюдается среди прочего множества противоречий, характерных сегодня для российского общества, и такой симбиоз, как парадоксально причудливое переплетение, с одной стороны, всеобщего правового нигилизма, а с другой – массового наивного правового идеализма. При правовом нигилизме законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются, при правовом идеализме, напротив, им придается излишнее значение некой чудотворной силы, способной в одночасье разом решить все наболевшие проблемы. Никто, пожалуй, не станет отрицать, что оба явления – разновекторные и, казалось бы, потому – несовместимые, однако они весьма мирно уживаются и образуют вместе общую, крайне безрадостную картину современного политико-юридического бескультурья в России.

У граждан страны, например, утвердилась заманчивая юридическая иллюзия: закон всё может, и при этом одновременно к нему укоренилось повсеместное неуважительное отношение. Данный парадокс еще раз убеждает нас в том, что *правовой нигилизм и правовой идеализм – два полюса, два состояния нашего далеко не окрепшего правового менталитета*. Указанные нами крайности – следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима в долгосрочной перспективе.

Н.И. Матузов в своих суждениях (а мы их разделяем) справедливо указывает, что и правовой нигилизм, и правовой идеализм имеют общие корни: юридическое невежество, незрелое правосознание, дефицит политико-правовой культуры. В итоге рассматриваемые феномены, несмотря на противоположные смысл и направленность, смыкаются и образуют как бы “удвоенное” зло, иными словами – “две стороны одной медали”⁴⁰.

Мы и поныне повсеместно наблюдаем неработающие или малоэффективные законы. Как и раньше, поспешно принимаются указы, постановления или отдельные юридические нормы, эффективность которых – под большим сомнением, ибо они некачественны, недостаточно продуманны, не выражают интересов многих граждан, заведомо малозначимы и невыполнимы. Самое невероятное, что это признают и сами чиновники в органах власти, но, при всем подобном, юри-

дический романтизм в некоторых головах еще сохраняется⁴¹.

Бездействующие “мертвые” законы порождают все тот же нигилизм, неверие в реальную значимость принимаемых актов, в их способность изменить ситуацию. Вспомним, что юристы ещё в Древнем Риме утверждали, что бездействующий закон – хуже отсутствующего. Таких законов, обращаем внимание, принято за 20 лет ошутимое количество. К тому же, как известно, две трети из них не проходили через юридическую экспертизу уполномоченных на то органов. Многие не соответствуют или даже противоречат основополагающим нормам и принципам Конституции страны, тем самым усиливая правовой нигилизм граждан и нанося ошутимый ущерб правосознанию людей.

Правовой идеализм сформировал у значительной части населения России кризис веры в законодательные пути решения назревших проблем, да и вообще в новые прогрессивные институты, реформы, модернизацию. К сожалению, бывает и так, что законы принимаются не в целях надлежащего регулирования общественных отношений, а для снятия недовольства и напряженности в обществе, хотя, вне сомнения, законы и иные нормативные правовые акты не должны быть сиюминутными, рассчитанными лишь на некий эффект. Подобная практика приводит к тяжелым, непоправимым последствиям, что подтверждается и нашим недавним историческим прошлым.

Приходится констатировать, что зачастую и сами органы власти оказываются бессильными заставить законы работать. Они (законы) во многих случаях внутренне не воспринимаются теми, на кого рассчитаны, и нередко “застревают” на полпути к своим непосредственным адресатам. “Их стопорит чиновничья бюрократия в силу общей разболтанности, бесконтрольности и коррумпированности”⁴².

Известно, что властные институты поставили на поток издание множества юридических норм – вероятно, чтобы достигнуть единения и сплоченности народа, но, по всей видимости, заведомо зная, что они не обеспечат выполнения таких целей. *И это – тоже идеализм.*

Следует подчеркнуть, что законодатель не вправе также идти на поводу у обыденного сознания – надо принять новый закон, чтобы решить ту или иную возникшую проблему. Он обязан смотреть на перспективу, предвидеть, да и прогнозировать возможные последствия.

⁴¹ Там же. С. 9.

⁴² Белкин Л.М. Указ. соч. С. 11.

⁴⁰ Там же.

Обращаем внимание, что правовое самообольщение крайне опасно, ибо оно сначала порождает беспочвенные ожидания и надежды, убаюкивает общество. Затем, как правило, наступает всеобщее разочарование, а далее – лютаая ненависть к самой власти и самой правовой системе.

Напомним, кстати, что о девальвации значимости законов писал в свое время и В.И. Ленин: “Ни в одной стране мира нет такого обилия законов, как в России. Однако ничего хорошего от этого нет и следа”⁴³.

Все мы обязаны признать аксиомой, что, действительно, даже тысячей “хороших” законов положения в государстве существенно не изменить, если только они реально не подкрепляются другими мерами.

Нами на основе вышеприведенных примеров обосновывается авторская позиция, что *правовой идеализм – реальное и широко встречающееся явление в среде как самих властных институтов и их представителей, так и граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, кланов, “народных масс”*. “Россия всё же вновь попала под власть соблазнительных, манящих миражей, иллюзий”⁴⁴.

Эпилог

Политико-правовая модернизация в России (о её проблемах мы уже писали) требует особо прочной правовой основы. При этом всегда надо помнить, что невозможно навести порядок в стране исключительно только с помощью юридических установлений. Законодательство и разносторонние общественные процессы должны развиваться синхронно и взаимосвязано. Важно иметь на всех уровнях политики, власти и управления четкое представление и понимание “о пределах и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь”⁴⁵.

Правовой нигилизм и правовой идеализм, по нашему мнению, есть не что иное, как развернутая характеристика, неотъемлемая и значимая часть государства, его аппарата. Оба рассматриваемых явления по сути политически весьма удобны, так как дают возможность власти порицать “общественные массы” в их деструктивном, ненавистном отношении к праву и через такое порицание находить оправдание и для себя, как

только на повестке возникают вопросы о неэффективных, неработающих законах, нарушениях прав человека и гражданина.

Правовой нигилизм и правовой идеализм (по гамбургскому счету) есть прежде всего несовершенство государственной власти, а не права и в совокупности представляются нам неким орудием, находящимся в руках власти и применяемым ею в политических интересах. Когда речь идет об отрицании как признаке правового нигилизма, то, на наш взгляд, отрицаются не право, не правовые ценности, как таковые, а в первую очередь произвол власти, облеченный в правовую форму. Иными словами, уместно говорить о перманентном отрицании самих правящих элит, которые старательно “прячутся в тени” закона, постоянно изменяющегося законодательства, правовой политики, проводимой государством, сложившегося и искусственно воспроизводимого, поддерживаемого публичного порядка, который зачастую оформляется как правовой. Подобное сформировавшееся на практике неписаное правило в конечном счете, как ни печально, приводит к необратимости процессов утраты доверия общества к праву и, как следствие, к криминализации социума.

Правовой нигилизм и правовой идеализм имеют (надеемся, с нами согласятся) устойчивую и с завидной регулярностью *вздабриваемую питательную сферу*: *во-первых*, деструктивные ориентиры, выстраиваемые властью и направленные на подмену правового регулирования нормативным; *во-вторых*, доминирование политики над правом (эффект “хромой утки”); *в-третьих*, возвышение власти над законом (эффект двойных стандартов); *в-четвертых*, порочную практику использования права как способа и средства оформления и охраны политических решений, к сожалению, в том числе и амбиций (эффект – у кого больше прав, тот всегда прав); *в-пятых*, пожалуй, ключевое: в политике и власти на всех уровнях(!) в постсоветский период государства, за малым исключением, зашкаливает численность неучей и бездарей, которые “забалтывают” проблемы, нерешительны, аморфны, допускают досадные провалы во внутренней политике, в экономике, обнищание людей, попустительство и содействие в разрушении культурно-цивилизационного кода нации и которые не становятся слугами народа, но его господами, и государство, по нашему разумению, предстает в виде некоего библейского Левиафана.

Полагаем, нам удалось в основном обозначить на платформе описанных размышлений онтологический масштаб и глубину исторического

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

⁴⁴ Алексеев С. С. К Конституции человека // Независимая газ. 2012. 16 нояб.

⁴⁵ Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 12.

контекста столь характерных для современной России явлений *правового нигилизма и правового идеализма*.

Авторский вывод неутешителен – налицо своеобразный **правовой сюрреализм**, при котором правовая система страны приобретает причудливо – искаженные сочетания и формы, парадоксальную алогичность; на подобном фоне происходит её планомерная деградация и постепенно утрачиваются многие факторы, способные привести к восстановлению позитивного правового разви-

тия, модернизации всех сфер жизнедеятельности общества и, что очень важно, к *возрождению идеи повсеместного и бескорыстного служения государства обществу и, отдельно – каждому гражданину России*.

В таком контексте признаем справедливость суждения проф. В.Д. Зорькина: “Без правовой модернизации у России нет будущего”⁴⁶!

⁴⁶ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: М., 2015. С. 69.